

Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета

Иванов Анд. А. A. A. Ivanov

ДНЕВНИК Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО: РЕАЛЬНОСТЬ ПИСЬМА И РЕАЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТА

NICOLAY CHERNYSHEVSKIY'S DIARY: THE REALNESS OF WRITING AND THE REALNESS OF SUBJECT

Иванов Андрей Анатольевич — кандидат культурологии, доцент кафедры «Философия и социология» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 85/7-138; +7 4217 27-93-06. E-mail: larsandr@mail.ru.

Mr. Andrei A. Ivanov – PhD in Cultural Studies, Assistant Professor, Department of Philosophy and Social Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 85/7-138, Lenin Str., Komsomolsk-on-Amur, 681035; 27-93-06. Email: larsandr@mail.ru.

Аннотация. Дневники Н.Г. Чернышевского анализируются как форма репрезентации субъективности в специфическом письме, воплощающем объективную, внешнюю точку зрения. Дневниковое письмо Чернышевского рассмотрено в контексте концепции «различения» Ж. Деррида как реализация семиотических механизмов «опространствливания» и «овременивания». Выявлены психологические и социально-мировоззренческие факторы приоритета «действительности» письма над невербализованной субъективностью.

Summary. Diaries by Nicolay G. Chernyshevsky are considered here as a form of representation of subjectivity that manifests itself in a special type of writing which reflects the objective, external point of view. Chernyshevsky's diary writing style is viewed in terms of J. Derrida's «difference» as the implementation of semiotic mechanisms of *espacement* and *temporalisation*. I reveal the psychological, social and ideological factors which determine the priority of the writing's realness over the unverbalized subjectivity.

Ключевые слова: субъективность, письмо, различение, «опространствливание», «овременивание», репрезентация.

Key words: subjectivity, writing, difference, Derrida, espacement, temporalisation, representation.

УДК 82-94

Дневниковая практика в обществе Модерна представляет собой специфическую форму представления ценности субъективности и одновременно способ ее конструирования, автокультивации. Социальные процессы в историческом и повседневном планах рассматриваются и оцениваются с точки зрения отдельного человека, обретают ценность и значение не сами по себе, но в их проекции на индивидуальную жизнь. С другой стороны, дневник – форма интернализации социального образца субъективности посредством письменного нарратива, фиксирующего и упорядочивающего стихию внутренней жизни. В свете этой амбивалентности дневникового письма интерес представляют те случаи, где эти два вектора – индивидуализации и конструирования по образцу – вступают между собой в явное противоречие. Ярким примером могут послужить дневники молодого Н.Г. Чернышевского, в которых, как постараемся показать, субъективность автора репрезентирована через наиболее удаленный от индивидуального полюса «внешний взгляд» – взгляд со стороны безличного, объективированного письма, что не означает, однако, безличности самой процедуры такого представления.

Чернышевский вел дневник с 1848 по 1853 гг. с чрезвычайной степенью откровенности и подробности изложения событий и переживаний повседневной жизни молодого студента, а затем учителя Саратовской гимназии. И. Паперно назвала эти документы «интерес-

Учёные записки

 $\mathbb{N}^2 = 2(21)$

Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета

ным примером экспериментального развития реализма в быту» [2, 41], демонстрирующим формирующуюся в культуре установку на точное и всеохватное отражение действительности в субъективном восприятии (внимание «к гривенникам» в терминологии В. Г. Белинского). Сопоставляя способ ведения дневника с плодовитостью Чернышевского как критика и как писателя, с его графоманией, а также интересом к стенографии, И. Паперно заключает, что принципом, объединяющим эти личностные особенности, является «совпадение вербализации и самого опыта»: «в своих дневниках Чернышевский приравнял человека живущего к вербализующему, чье существование подтверждалось материальным результатом этой вербализации» [2, 46].

В самом деле, стремление отразить реальность повседневного опыта во всех подробностях у Чернышевского таково, что процесс отражения, письменного воспроизведения подменяет собой непосредственно переживаемый опыт. Описание прогулок и визитов, разговоров и ученых занятий, регистрация прочтенных книг и журналов, ночных «подлых дел» и сновидений, чистых побуждений и движений чувств, наблюдений за женщинами и социально-политических мыслей — все это как бы и не существует вне дневника. В этом смысле дни, содержание которых автор просто не помнит, сев за дневник значительно позже, представляются вычеркнутыми из пространства какого-либо смысла и внутреннего переживания.

Любой дневник, видимо, создает образ личности пишущего не только тем, что в нем подробно высказано, но и символическим эффектом присутствия тех сторон и глубин субъективности, которые остались за пределами высказывания. Можно сказать, что субъективность Чернышевского, репрезентированная в дневнике, не выходит за его пределы, не создает впечатления присутствия *невыраженного*. Если, к примеру, репрезентируются эмоциональные, аффективные аспекты внутренней жизни, то они не воспроизводят некий пережитый в прошлом опыт, противящийся репрезентации, а стимулированы самим процессом письма и сведены к фиксации определенного канона чувственного переживания. Так, в записях, посвященных его отношениям с будущей женой Ольгой Сократовной Васильевой, он выражает переживаемые в настоящий момент чувства, но они вызваны именно текстом, передающим его слова к невесте: «Если вы серьезно и глубоко полюбите другого, я буду рад за вас (NB: когда пишу, у меня навертываются слезы), но перенести это для меня будет тяжело... я более всего желаю вашего счастья (NB: когда я пишу это, я плачу)» [3, 442]. Чернышевский здесь прямо проговаривается, что реальные чувства он испытывает от жизни, отраженной и включенной в процесс письма.

Дневник Чернышевского представляет собой почти буквальную реализацию концепции differance («различение») Ж. Деррида как принципа репрезентации бытия/присутствия в процессе сигнификации, идущей по двум векторам: «овременивания» (temporalisation) и «опространствливания» (espacement). «Замена знаком самой вещи одновременно и вторична и предварительна: она вторична по отношению к оригиналу, ибо следует за утраченным присутствием, знаком которого она является. Она предварительна относительно уже завершенного и утраченного присутствия, для которого знак выступает лишь как движение опосредования» [1, 134].

В дневнике Чернышевского мы сталкиваемся с письменной сигнификацией пережитого, но уже утраченного опыта, со «следами» бытия, распределенными во времени (автор подробно фиксирует точное время и продолжительность описываемых событий, в том числе моментов ведения записей). В попытке репрезентировать пережитое с наиболее объективной стороны (с точки зрения «действительности») Чернышевский включает субъективный опыт в двойную структуру письменного повествования и социального измерения времени. Тем самым непосредственный опыт откладывается из настоящего в прошлое, на «задний план», оставляя в настоящем процесс письма и регистрации знаков «действительности».

С другой стороны, вполне возможным представляется то, что переживаемые Чернышевским в течение дня события рассматривались им как материал для записи уже во время самого переживания, т.е. письменное опосредование предваряло и конструировало его взаи-

Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета

Nº [-2 (21)

модействие с потоком повседневности. Мельчайшие подробности, обстоятельства времени и места тех или иных событий тщательно укладывались в памяти, запечатлевались в уже структурированном, готовом к письменной репрезентации виде. Можно ли сказать, что Чернышевский проживал свой день, чтобы записать его в дневник? Разумеется, нет, но дневник несомненно был тем средством, с помощью которого субъективный жизненный мир не только осмысливался, но и приобретал черты объективной (десубъективированной) диахронической последовательности. Симптоматичен и тот факт, что написание дневника было для Чернышевского означающим желаемого в будущем величия, возможности того, что невозможно в настоящее время, он писал его в надежде, что эти записи будут интересны будущим поколениям как свидетельства жизни его выдающейся личности [3, 193]. В данном случае процесс письма в настоящем является предварительным знаком отложенного в будущее социального признания субъекта. «Действительность» субъекта, понимаемая как его социальная значимость, откладывается на потом; гарантией этого «потом» является дневник.

«Опространствливание» или «становление-времени-пространственным» — это семиотический процесс членения, дробления текущего настоящего на несовпадающие, дифференцированные части. Внимание Чернышевского к пространству так же пристально, как и ко времени. Он тщательно фиксирует пространственные координаты своих повседневных перемещений, помещает в дневник планы домов, схемы расположения собеседников. Пространственные индексы должны подтверждать достоверность субъективного опыта, на деле замещая субъективное, синкретическое и единственно реальное восприятие пространства «объективным», безличным и условным кодом. К примеру, наблюдения за встречающимися девушками, столь естественные в его возрасте, дифференцируются на пространственные позиции и фрагменты: «Утром вошла убирать немочка,... но она нехороша, т.е. нехороша, весьма нехороша нижняя часть лица, когда смотреть в профиль, и поэтому ничего...» [3, 287].

Итак, репрезентация жизненного опыта посредством письменного кода, подключающего к нарративному конструированию безличные векторы «овременивания» и «опространствливания», призвана придать этому опыту качество «действительности», связанности внутреннего с внешним, ментального с физическим. Только результат этой многоступенчатой репрезентации обладает для Чернышевского подлинным бытием и позволяет ему ощутить свою собственную несомненность.

Причина этой необходимости в вербальном и письменном опосредовании жизненного опыта кроется в том, что «действительность», как она есть на самом деле, нетождественна непосредственному опыту субъекта. А именно с ней субъект, согласно модели «действительного» человека, должен быть идентифицирован. Образ действительности в сознании Чернышевского опосредован литературным и научно-философским дискурсом (из главных влияний здесь нужно отметить взгляды натуральной школы в русской критике, материалистическую философию Л. Фейербаха и позитивизм), который он начинает осваивать в годы студенчества. Этот дискурс вступил в серьезное противоречие с религиозным воспитанием сына саратовского священника и всем предшествующим укладом его жизни. В такое же противоречие с социальными навыками студента незнатного происхождения вступило петербуржское общество, организованное по правилам светской культуры. Истина действительности оказалась вне непосредственных переживаний субъекта; действительные значения и смыслы находятся вне субъективного мира, в символической системе, описывающей и связывающей этот опыт с миром внешним настолько, насколько она удалена от полюса личных непосредственных чувств и оценок. Чтобы подтвердить свое соответствие истине, субъект объективирует переживаемый опыт в символической форме; голос как «слышание себя говорящим» и письмо как «видение себя в письме» становятся подтверждением присутствия в действительности.

Потому эта символическая форма стремится к максимальному удалению от индивидуального осмысления и воплощению в письме инстанции «чужого взгляда». Такой взгляд направлен на внешнее поведение в обществе, «в свете». Чернышевский постоянно оценивает себя, каким он представляется со стороны, и успешным считает то поведение, в котором он

Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета

 $\mathbb{N}^2 = 2(21)$

минимально проявляет себя и уподобляется образцу светской безучастности, в котором становится «решительно как-то как бы машиною» [3, 271].

Этот же взгляд с позиции «Великого Другого» (в лакановском смысле) реализован в анализе внутренних мыслей и переживаний. Так, во время ухаживаний за будущей женой он выносит на страницы дневника свои сомнения в чистоте ее помыслов. Здесь он предстает перед собой в виде «глупенького простячка», используемого в качестве запасного варианта или последней надежды девушкой с не самой лучшей репутацией в Саратове. Эти откровения фиксируются им с постоянно оговариваемой целью выставления себя сомневающегося на осуждение: «Эта сторона моего характера должна быть безжалостно казнена, и я казню ее страшным образом, выставляю на неизгладимый позор этим записыванием» [3, 487]. То есть пишет здесь не сомневающийся субъект, а тот, кто осуждает сомневающегося и потому выставляет его в самом неприглядном виде, «без прикрас и преувеличений». Система письменных означающих воплощает позицию «автора», смотрящего извне на внутреннее содержание своего персонажа как на «характер». Занимая эту позицию, Чернышевский может объективно анализировать истоки своих сомнений, находя их в «недействительности» своего характера: «Из чего же возникают мои сомнения? Из моего характера прежде всего. Мне нужны слишком ясные доказательства, что мною не пренебрегают, что я не надоел... Мне трудно убедиться в том, что я на своем месте...» [3, 489]. Субъект письма, таким образом, способен занимать «устойчивую» позицию по отношению к себе же как к «неукорененному» в действительности объекту описания.

Итак, дневник Чернышевского представляет практику письма, функционирующего как удостоверение реальности жизненного опыта субъекта. К конкретному материалу собственной жизни Чернышевский подходит с позиции бесстрастного внешнего взгляда, объективность которого подкреплена измеримыми показателями времени, пространства, объема текста. Уже в переработанном, зафиксированном и инвентаризованном виде жизненный материал становится источником эмоций и переживаний, признаваемых подлинными, действительными. Причины такого подхода следует искать и в особенностях психологического склада Чернышевского, и в специфике социально-коммуникативной ситуации, в которой находился студент-разночинец в 40 – 50-х гг. XIX в., и в мировоззренческих сдвигах эпохи. В случае с Чернышевским можно говорить о типе абстрактно-ориентированной личности (теоретика), который, в соответствии с реалистической направленностью натуральной литературной школы, обращается к анализу индивидуального психологического, повседневного материала, стремясь обнаружить в нем общие социальные детерминанты. На уровне социологических характеристик отказ от индивидуализированной точки зрения в пользу «объективированной» формы высказывания связан с маргинальным положением семинариста в столичном светском (или околосветском) окружении. Такой же маргинальностью характеризуется мировоззрение молодого Чернышевского, чье религиозное воспитание столкнулось с господствующей в студенческой и академической среде материалистско-позитивистской философией. Отвлеченно-безличная форма дневникового письма воплощала поиск устойчивой позиции в противовес психологической, социальной и мировоззренческой фрустрации субъекта описания.

Через несколько лет, отказавшись от дневниковых записей и погрузившись в литературную и публицистическую деятельность, Чернышевский — с помощью навыка интегрировать разрозненный, неустойчивый индивидуальный опыт в позицию отвлеченной, но всеобщей и целостной формы — сформулировал идеологию целого поколения, назвавшего себя «новыми людьми».

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Гурко, Е. Тексты деконструкции. Деррида, Ж. Difference / Е. Гурко, Ж. Деррида. Томск: Водолей, 1999.-160 с.
- 2. Паперно, И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский человек эпохи реализма / И. Паперно. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 208 с.
- 3. Чернышевский, Н. Г. Полное собрание сочинений. В 15 т. Т. 1. Дневники / Н. Г. Чернышевский. М.: Художественная литература, 1939. 850 с.